

УДК 316.3

**ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ
СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ:
МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ**

Н.Н. Равочкин

**THE PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS
OF MODERN SOCIAL INSTITUTIONS:
MULTICULTURALISM**

N.N. Ravochkin

Аннотация. Рассматривается мультикультурализм как философское основание современных социальных институтов. Репрезентированы основные теоретические подходы к пониманию мультикультурализма. Отмечена связь мультикультурализма с идеями таких социальных проектов, как либерализм и коммунитаризм. Автор обосновывает витальный характер оснований мультикультурализма. Отмечается, что в условиях глобального мира и широкого распространения самых различных культур, традиций, этносов и других общностей формирование и эффективное функционирование социальных институтов без апелляции к мультикультурализму не представляется возможным. Рассматриваются и критикуются примеры проявления оснований мультикультурализма в социальных институтах России, Западной Европы и Канады.

Abstract. Multiculturalism is considered as the philosophical foundation of modern social institutions. The main theoretical approaches to understanding multiculturalism are represented. The connection of multiculturalism with the ideas of such social projects as liberalism and communitarianism is noted. The author substantiates the vital nature of the foundations of multiculturalism. It is noted that in the context of global peace and the wide spread of a range of cultures, traditions, ethnic groups and other communities, the formation and effective functioning of social institutions without an appeal to multiculturalism is not possible. The article examines and criticizes examples of the manifestation of the foundations of multiculturalism in the social institutions of Russia, Western Europe and Canada.

Ключевые слова: социальный институт, мультикультурализм, культура, этнос, общество, правила, цивилизация.

Keywords: social institution, multiculturalism, culture, ethnos, society, rules, civilization.

Несмотря на ту бесспорную актуальность и значимость, которую представляют собой социальные институты для современной философии, они до сих пор и в преобладающем большинстве случаев остаются объектом исследования дисциплинарных наук. К слову, ранее нами были сформулированы философские основания интересующих нас структур, но в целях проработки институционального направления философских исследований назрела потребность в их детальном раскрытии [11].

Самоочевидно, что в условиях современного глобального мира институциональная проблематика укореняется в социальном, политическом, правовом и культурном многообразии, что, собственно говоря, закреплено в понятии

«мультикультурализм». Буквально данный термин позволяет считать, что в одних социальных координатах образуется множество культурных или этнических групп. В связи с этим, действительно, вряд ли у кого-то могут возникнуть сомнения, тем более на фоне усиления поиска различными образованиями своих идентичностей, что мультикультурализм едва ли не витальное основание национально маркированных институтов. Анализ научной литературы также позволяет установить, что теоретикам пока еще не удалось договориться и предложить какое-либо однозначно четкое и логически непротиворечивое определение мультикультурализма. Наверное, именно поэтому нам приходится довольствоваться преимущественно описательными характеристиками данного концепта. В некоторых работах отмечается, что под мультикультурализмом понимается идея гармоничного совместного существования разнообразных культурных и этнических групп и образований [3]. Как нам представляется, такая дефиниция выглядит достаточно расплывчатой и, по сути, не имеет однозначного толкования, значит, может способствовать умножению производных от непрочтений и трактовок.

По нашему мнению, изначальная идея, фундирующая сущность мультикультурализма, заключается в признании значимости отдельных культур как самодостаточных и самостоятельных форм социального образования. В духе Постмодерна она признает противопоставление данного концепта не только унифицирующей модели национальных государств, но и американскому «плавильному котлу», в котором многообразие национальных, культурных и этнических элементов в последующем трансформируется в единую нацию американского государства. Таким образом, мультикультурализм одновременно признает единство во множественности и множественность в единстве, поскольку различные социальные образования сохраняют свою самоидентичность при совместном существовании в рамках государства [15].

Вместе с тем заслуживает внимания и такая версия мультикультурализма, согласно которой он представляет собой идеологию, провозглашающую примат культурного разнообразия перед этнокультурной гомогенностью [5]. При этом важен тот факт, что не существует единых универсальных культурных и цивилизационных стандартов, тем самым принципиальным становится право на персональные способы существования, самостоятельную точку зрения и отличные от других участников интерпретации происходящих в мировом процессе событий [11].

Еще одним заслуживающим внимания моментом становятся идейные основания мультикультурализма. С одной стороны, его фундируют либеральные социальные идеи, которые, как известно, признают за отдельным субъектом его свободы и права на самоутверждение и самореализацию в любой сфере общественной жизни, но в нормативно приемлемых рамках; с другой – это идеи набирающего популярность коммунитаристского проекта, в рамках которого акцент сделан на примате социальной общины и высокой ценности сильного гражданского общества как детерминанты множественности культурных

образований. В дополнение к сказанному следует привести весьма примечательную позицию А.С. Бородулиной, отмечающую, что один из принципов мультикультурализма также базируется на общем для либерализма и коммуитаризма интеллектуальном конструкте, а именно на возможности совместного равноправного существования множества отдельных этнических, национальных и прочих образований [3].

Продолжая рассмотрение теоретических оснований мультикультурализма, отметим, что в целом левый и правый варианты либерализма исходят из единого положения о равноправии отмеченных образований, однако расходятся в убеждениях по поводу того, каким образом оно может быть реализовано на практике. Обладание равенством участниками общественных отношений (правый либерализм), как и создание всех возможностей для реализации равноправия (левый либерализм) – вот пути для обеспечения равноправия [4]. Вместе с этим, значимым остается тезис о возможностях и праве данных культурных образований отстаивать свои права, интересы и ценности в институтах как установленных «правилах игры». Отсюда возникает наиболее значимый вопрос: какими методами они руководствуются для защиты? По нашему мнению, именно эта идея, связанная социальным праксисом, становится центральной для мультикультурализма, поскольку она детерминирует функционирование институтов любой сферы общественной жизни, не только задавая им «идеальный» гносеологический замысел, но и разворачивая все многообразие на практике. Так, на государственном уровне реализуется новый вариант политики по типу «интеграция без ассимиляции», которая предполагает теоретические утверждения и практические действия по утверждению механизмов равноправия всех образований, а также обеспечивает за каждым культурным субъектом возможности и пути сохранения своей самобытности.

Несомненный прорыв мультикультурализма в сравнении с другими культуральными основаниями заключается в том, что при конституировании социальных институтов он преодолевает неприемлемую для современного мира бинарную оппозицию «свой – чужой». Вследствие этого современные социальные институты в большинстве стран могут рассматриваться только с обращением к логике постмодернистского дискурса о полицентричности и полилогичности мирового социума. Можно утверждать, что отныне культурные образования, внешне обладающие равным между собой статусом, а значит, должны иметь одинаковый объем прав по поводу самореализации, как в определенной сфере общественной жизни, так и на уровне взаимодействий (национальный, межгосударственный, глобальный). Однако, как показывает практика, практически любая идея интеграции государств практически всегда свидетельствует о неодинаковых возможностях социальных институтов стран-участниц, что закономерным образом приводит к институциональным разрывам на нескольких уровнях.

Как применительно к сказанному не привести противоположную исследовательскую позицию, сторонники которой достаточно скептически оценивают

мультикультурализм. К примеру, В.Ф. Галецкий выражает свое отношение посредством «критической апологии». По мнению этого автора, история мультикультурализма фундирована только идеями свободы и самостоятельности человеческого духа, но также базируется на концепции общественного договора Ж.-Ж. Руссо [4]. Именно здесь формируется положение о способности и возможности культурных образований в лице множества субъектов, принадлежащих к конкретному этносу, перерасти в национальную общность и государственную структуру. Государство, имеющее в своем основании единственный этнос и одну нацию, становится гомогенным и не признающим возможности множественности культур. В современном обществе такое положение дел априори выглядит невозможным по причине ускорения глобализации и сопутствующем ей «распылении» этнических и национальных образований по различным государствам и (макро)регионам. В самом деле, субъект, принадлежащий к конкретной нации или этносу, с легкостью может оказаться «слугой» другого государства и вообще иметь с ним более устойчивые связи, чем с родным для него государством. В свою очередь это предполагает использование формальных оснований в целях гарантии равноправия всех людей, проживающих на территории конкретного государства. Отсюда объективируется реальное требование к соблюдению принципа равенства всех сообществ, утверждение тождества «Своего» и «Другого» как чуждого «моему». На представленном основании В.Ф. Галецкий вполне справедливо считает, что это способствует формированию системы организованного лицемерия, в котором формальные принципы оказывают давление на поведение субъектов межкультурных отношений. Примечательно, что организованность обеспечивается самими социальными институтами, функционал которых множественно детерминирован различными нормами и их модификациями. Именно это позволяет данным структурам задавать и поддерживать так называемую «догму необходимости равноправия», обеспечивающую совместное существование множественности культур. В такой трактовке культура является чем-то вроде системы запретов, определяющей формы корректности взаимодействия между субъектами различных культур. Как итог, правомерной может считаться позиция, в соответствии с которой «любая преференция по отношению к любому артефакту сама по себе обусловлена культурной традицией. Объективировать их не представляется возможным» [4]. Здесь берет свое начало идея равенства культур и этнических форм в государствах по всему миру. Формальные институты юридически закрепляют способы отношения к таким культурным формам разнообразия. Более того, постмодернистские социально-философские воззрения с доминирующей идеей о децентрализации воплощаются на практике через борьбу с легитимирующим влиянием национальных государств. Формируется концепт децентрализации национального государства, гегемон доминирующей культуры подвергается культурной эрозии.

Суть же отмеченной выше апологии можно свести к утверждению о существовании множества социальных фильтров, которые позволяют институтам

формулировать критерии для (не)допуска в них определенного сообщества. Интересен приводимый Галецким пример, который репрезентирует даже не столько институты, сколько институции. В частности при наборе студентов в Физтех среди абитуриентов формально соблюдается принцип сохранения 60 % юношей и 40 % девушек, однако реальное соотношение доходит до 9 к 1 в пользу юношей. Таким образом, здесь сразу срабатывает как минимум два фильтра. Первый – социальный, выражающий необходимость приема документов у определенного количества людей, желающих поступить. Второй – применяется гендерно-интеллектуальный, определяющий количественный набор представителей обоих полов в ряды студентов. Стало быть, мультикультурализм как основание проявляется главным образом в обеспечении формальных требований допуска девушек в числе студентов вуза и их последующего обучения [4].

После представленного примера следует перейти к тому, что значимым для мультикультурализма становится статус личности как базовой единицы олицетворения общественной модели. Это означает, что именно персона, пусть и принадлежащая группе, приобретает доминирующее положение перед социальными институтами, поэтому они и формируются и функционируют в интересах обеспечения приоритета групповых прав и свобод. В.А. Мамонова показывает, как мультикультурализм воплощается в различных институтах общественной жизни. Так, социальные институты непосредственно обеспечивают адаптацию и интеграцию индивидов в обществе; политико-правовые институты, в том числе занятые производством национальных идей, формируют определенное отношение к представителям иных культур, от чего напрямую зависит специфика осуществляемых с ними диалогов и обмена ресурсами, производимого преимущественно институтами экономической сферы [8]. Важным для современного мира становится реализуемое политико-правовыми институтами направление государственного управления по гармонизации национальных и религиозных отношений и профилактике экстремизма, которое также априори невозможно без оснований мультикультурализма [7].

Конечно же, в зависимости от контекстуальных условий политика проводимая государствами национальная политика будет отличаться и, по сути, вряд ли найдется даже два аналога, которые хотя бы в чем-то не отличались друг от друга. Таким образом, национально маркированные институциональные основания, в том числе и сам мультикультурализм будут отличаться и проявляться в уникальных конфигурациях. Для российского мультикультурализма характерны следующие признаки: (1) изначально присущая государству многонациональность, которая в последующем переросла в некоторый дисбаланс отношений между регионами в связи с неодинаковым объемом полномочий; (2) ярко выраженная поляризация, которая на практике способствует дисфункциональности социальных институтов различных сфер – от медицины и науки вплоть до права и духовной жизни; (3) тяга к сохранению идентичности, детерминирующей институциональные разрывы

в связи с замедлением социальной динамики и индивидуального для государства социального времени [6].

Разумеется, существуют и иные признаки мультикультурализма, которые не менее значимы для российских социальных институтов. Выделенные особенности ощутимы для неформальных взаимодействий, оказывающих влияние на практическую реализацию закрепленных в законодательстве принципов равенства культурных и этнических образований в российском государстве. На практике это выражается в том, что федеративное устройство России предполагает выделение субъектов РФ по этническому принципу в силу исторических традиций, но одновременно с этим есть регионы, образованные по территориальному признаку, что создает неповторимые комбинации административного деления [12]. Формально мультикультурализм также закреплен и на конституционном уровне. В частности, он наиболее ярко отражен в положениях о свободе выбора языка, запрете пропаганды национального или расового превосходства, что позволяет сформулировать идею о равном уважении всех наций и народностей в стране. Однако на практике различные неформальные институты и институции порой допускают отклонения от приведенных нами конституционных норм.

Некоторую схожесть оснований мультикультурализма можно обнаружить в Канаде, государственные институты которой в середине прошлого века выбрали путь признания равноправия всех проживающих в стране этносов и наций. Данная траектория сменила ту, что господствовала до Второй мировой войны, когда государство проводило политику защиты коренного канадского населения и единой культуры страны. В.С. Павловский отмечает, что на формальном уровне своего функционирования политико-правовые институты закрепляли существенные юридические запреты и экономические санкции, которые, с точки зрения национальных властных акторов, должны были сдерживать иммиграционные потоки [10]. Повышение транспарентности мира показало, несостоятельность такой политики и высветило гипертрофированность государственных институтов, что в последующем через рельефное прорисовывание мультикультуралистских оснований спровоцировало трансформации нормативной базы Канады в пользу отмены дискриминационных норм в отношении представителей иных этносов [9].

Несколько иную картину мы можем наблюдать в странах Западной Европы, для которых принципиальным оказывается доминирование формальных нормативных оснований. Принципы построения и реализации мультикультурализма в институтах стран Западной Европы свидетельствуют о важном характере трансформации закрепленных на формальном уровне принципов взаимодействия с основными политико-правовыми институтами. В частности, А.В. Черняк демонстрирует, что изменения в области политики и права в западноевропейских странах на предмет культурной ассимиляции постепенно замещаются соответствующим импортом, тем самым способствуя связанной с ним позитивной дискриминации [13]. Общность функционирования политико-

правовых институтов европейских стран заключается в их ориентированности на трансляцию формальных принципов реализации культурных практик в отношении с представителями иных этносов. Речь идет о том, что на нормативном уровне закрепляется право на получение культурными меньшинствами различных льгот и привилегий – все это в целях уравнивания возможностей с преобладающими общностями.

Основания мультикультурализма реализуются в институтах благодаря единству продвижения на формальном и неформальном уровнях либерально-демократических идей, которые неизбежным образом связаны с необходимостью адаптации многочисленных представителей других культур в национальные социальные пространства [14]. В итоге это позволяет возвести наиболее конкурентоспособные институты, которые вошли в некоторое кризисное состояние, тем не менее, по признанию целого ряда исследователей, являются высшей формой реализации передовых философских идей на практике. Уже не единожды ответив на вопрос по поводу трансформации содержания идей и отклонения институциональных форм от первоначального замысла в тех или иных контекстуальных реалиях, отметим следующее. Включение мультикультурализма в институциональные практики в современной Европе стало адекватным ответом на появляющиеся вызовы, касающиеся потребностей интеграции многих этно-социальных групп в социальную систему Старого Света [1]. Представители новых для ЕС культурных сообществ не только воспротивились принимать местные традиции, но и стали навязывать ему соблюдение своих устоев, что потребовало ремоделирования наличной институциональной архитектоники, способной разрешить возникающие конфликты и противоречия.

Итак, одним из принципиальных отличий проявления институциональных оснований мультикультурализма в европейских странах от российских реалий становится положение о коллективистских ориентациях институтов в России с преобладанием неформальных практик и примате индивидуалистских тенденций, да еще и формально подкрепленных, в странах Западной Европы [2]. Это означает, что рецепция базовых ценностей культурной дифференциации в России теоретически принимается и признается всеми субъектами, которая бы позволила воплотить на практике эффективную институциональную среду, а краеугольными камнями мультикультуралистских оснований стали бы взаимное понимание, солидарность и уважение интересов, прав и свобод всех социальных групп. В то же время, мы часто видим, как на практике происходит отступление от данных принципов – и это приводит к некоторым институциональным разрывам. В свою очередь европейское понимание мультикультуралистских оснований социальных институтов базируется на ценностях персонального бытия и интенциях к сохранению этнической и / или национальной идентичности за счет интеграции других общностей, позволяя сформулировать важное правило институциональной эффективности – «согласиться о несогласии». Но справедливым будет замечание по поводу того, что в последнее время Западная Европа также испытывает некоторое колебание институциональных

порядков за счет разворачивания этнических коллизий. Наконец, канадские проявления мультикультурализма, по нашему мнению, представляют собой некий синтез российского и западноевропейских вариантов. С одной стороны, содержательное признание равенства этносов и учет этого принципа при институциональном строительстве исходит из реального политического опыта и культурного обмена как следствие их столкновения. Другая же сторона состоит в формализации представленного равноправия на государственном уровне

Подводя итоги, можно говорить о том, что в современном глобализирующемся мире мультикультурализм становится витальным основанием формирования и функционирования социальных институтов. Выдвинутая однажды гипотеза в очередной раз подтвердилась: не существует единых механизмов, позволяющих определить общие и универсальные способы решения проблемы множественности этнических и культурных образований в отдельном государстве по причине уникальности контекстуальных реалий [11]. Рассмотренные примеры позволяют полагать плюрализм таких механизмов, который может быть основан на историческом опыте, формализации статусов в государстве и навязывании их представителям иных культур и этносов и попытка создать синтетическую позицию.

Господствующий среди интеллектуалов дискурс позволил отойти от классической бинарной идеологически окрашенной оппозиции «Свой – Чужой», предложив миру целую палитру культурных смыслов. Стоит отметить, что движение к культурному плюрализму коренным образом изменило отношения ко всему «Иному», которое неизбежным образом присутствует в любых социальных координатах. Влиятельность мультикультурализма как философского основания современных социальных институтов является мощнейшим инструментом диагностики наблюдаемых в конкретном обществе кризисных моментов и тенденций, механизмом формирования толерантности и детерминантой интеграции государств в глобальный социум с его стремительно меняющимися «правилами игры».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев, Е. В. Проблемы современного западноевропейского мультикультурализма / Е. В. Андреев. – Текст : непосредственный // Обозреватель – Observer. – 2014. – № 5 (292). – С. 61–74.
2. Бараш, Р. Э. Нормативные и социальные предпосылки реализации политики мультикультурализма в России / Р. Э. Бараш. – Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2012. – № 6 (112). – С. 5–15.
3. Бородулина, А. С. К определению мультикультурализма / А. С. Бородулина. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2017. – № 3. – С. 63–80.
4. Галецкий, В. Ф. Критическая апология мультикультурализма / В. Ф. Галецкий. – Текст : электронный // Дружба Народов. – 2006. – № 2. – URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2006/2/kriticheskaya-apologiya-multikulturalizma.html> (дата обращения: 12.09.2021).

5. Гасанова, Н. К. К определению концепта «мультикультурализм» / Н. К. Гасанова. – Текст : непосредственный // Культурная жизнь Юга России. – 2015. – № 1 (56). – С. 10–16.
6. Гасанова, Н. К. Российский нарратив мультикультурализма / Н. К. Гасанова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 6 (56). – С. 62–67.
7. Ибрагимов, А. Г. Нагорно-карабахский конфликт: предыстория, развития, последствия / А. Г. Ибрагимов. – Текст: непосредственный // Постсоветские исследования. – 2018. – Т. 1. – № 2. – С. 147–154.
8. Мамонова, А. В. Мультикультурализм: разнообразие и множество / А. В. Мамонова. – Текст : непосредственный // CredoNew. – 2007. – № 2. – С. 10.
9. Минкова, К. В. Национальная политика Канады и вызовы XXI века / К. В. Минкова. – Текст : непосредственный // Канадский ежегодник. – 2013. – Т. 17. – № 17. – С. 90–97.
10. Павловский, В. С. Мультикультурализм как основа государственной национальной политики Канады / В. С. Павловский. – Текст : непосредственный // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 6 (67). – С. 38–43.
11. Равочкин, Н. Н. Роль идей в становлении и трансформации политико-правовых институтов: теоретико-методологические и прикладные аспекты : монография / Н. Н. Равочкин. – Кемерово : КузГТУ, 2021. – 258 с. – Текст: непосредственный.
12. Русских, Л. В. Основные направления политики мультикультурализма в России / Л. В. Русских. – Текст: непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2014. – Т. 14. – № 2. – С. 85–89.
13. Черняк, А. В. Мультикультурализм и миграционная политика / А. В. Черняк. – Текст : непосредственный // Вестник государственного и муниципального управления. – 2014. – № 3 (14). – С. 72–77.
14. Bookchin M. The Next Revolution. Popular Assemblies and the Promise of Direct Democracy. – Verso, 2015. – 198 p.
15. Huntington S.P., Berger P.L. Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World. – Oxford University Press, 2003. – 320 p.

REFERENCES

1. Andreev E.V. Problems of modern Western European multiculturalism. Obozrevatel = Observer, 2014, No. 5 (292), pp. 61–74. (In Russian).
2. Barash R.E. Normative and social preconditions for the implementation of the policy of multiculturalism in Russia. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny = Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes, 2012, No. 6 (112), pp. 5–15. (In Russian).
3. Borodulina A.S. Defining multiculturalism. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istorija = Moscow University Bulletin. Series 8: History, 2017, No. 3, pp. 63–80. (In Russian).
4. Galetskiy V.F. A critical apology of multiculturalism. Druzhba Narodov = Friendship of Peoples, 2006, No. 2. Available at: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2006/2/kriticheskaya-apologiya-multikulturalizma.html>. (In Russian).
5. Gasanova N.K. Towards the definition of the concept of “multiculturalism”. Kulturnaya zhizn Yuga Rossii = Cultural Life of the South of Russia, 2015, No. 1 (56), pp. 10–16. (In Russian).

6. Gasanova N.K. Russian narrative of multiculturalism. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kulture i iskusstv = Bulletin the Moscow State University of Culture and Arts, 2013, No. 6 (56), pp. 62–67. (In Russian).

7. Ibragimov A.G. Nagorno-Karabakh conflict: prehistory, developments, consequences. Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies, 2018, vol. 1, No. 2, pp. 147–154. (In Russian).

8. Mamonova A.V. Multiculturalism: diversity and multitude. CredoNew, 2007, No. 2, p. 10. (In Russian).

9. Minkova K.V. National policy of Canada and challenges of the 21st century. Kanadskiy ezhegodnik = Canadian Yearbook, 2013, vol. 17, No. 17, pp. 90–97. (In Russian).

10. Pavlovsky V.S. Multiculturalism as the basis of the state nationality policy of Canada. Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Law and Comparative Law, 2017, No. 6 (67), pp. 38–43. (In Russian).

11. Ravochkin N.N. Rol idey v stanovlenii i transformacii politiko-pravovyh institutov: teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty [The Role of Ideas in the Formation and Transformation of Political and Legal Institutions: Theoretical, Methodological and Applied Aspects]. Kemerovo, KuzSTU, 2021. 258 p.

12. Russkikh L.V. The main directions of the policy of multiculturalism in Russia. Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki = Bulletin of South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities, 2014, Vol. 14, No. 2, pp. 85–89. (In Russian).

13. Chernyak A.V. Multiculturalism and migration policy. Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya = Bulletin of State and Municipal Administration, 2014, No. 3 (14), pp. 72–77. (In Russian).

14. Bookchin M. The Next Revolution. Popular Assemblies and the Promise of Direct Democracy. Verso, 2015. 198 p.

15. Huntington S.P., Berger P.L. Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World. Oxford University Press, 2003. 320 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Равочкин, Н. Н. Философские основания современных социальных институтов: мультикультурализм / Н. Н. Равочкин. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 4. – С. 152–161.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ravochkin N. N. The Philosophical Foundations of Modern Social Institutions: Multiculturalism / N. N. Ravochkin // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2021, No. 4, pp. 152–161. (In Russian).